

Для цитирования: Минченко, А. Н. Культурный разрыв: к проблеме определения феномена и его основных признаков / А. Н. Минченко // Социум и власть. — 2023. — № 1 (95). — С. 100—108. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-100-108. — EDN LGVMXW.

УДК 130.2

EDN LGVMXW

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-100-108

КУЛЬТУРНЫЙ РАЗРЫВ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА И ЕГО ОСНОВНЫХ ПРИЗНАКОВ

Минченко Андрей Николаевич,

Челябинский государственный институт культуры, аспирант кафедры философии и культурологии. Челябинск, Россия. E-mail: ma-n@bk.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируется одно из качественных состояний культуры, называемое культурным разрывом, — феномен амбивалентного свойства, — с одной стороны, порождающий большинство разрушительных конфликтов в истории человечества, а с другой стороны, при конструктивном преодолении противоречий, побуждающий созидательные преобразования.

Цель. Формирование определения культурного разрыва с выделением существенных отличительных признаков, обнаруживаемых при анализе любых эмпирически фиксируемых его проявлений, для последующего осмысления на предельно общем уровне рефлексии.

Методы. В качестве методологической основы исследования применяются философско-антропологический, системный, аксиологический, историко-философский и диалектический подходы, позволяющие рассматривать феномен культурного разрыва в различных аспектах.

Научная новизна исследования. Анализ основных направлений научного дискурса в рассматриваемой предметной области позволяет заключить, что феномен культурного разрыва изучается в рамках социально-гуманитарного знания, но преимущественно применительно к анализу конфликтных ситуаций и переломных моментов в истории. Само словосочетание

«культурный разрыв» начинает вводиться в научный оборот, однако, зачастую вне устоявшегося понятийного аппарата, в узком контексте и без содержательного раскрытия, что и обуславливает научную необходимость обращения к формирующемуся предметному полю исследования феномена и определения значения соответствующего термина.

Результаты. В результате проведенного исследования выявлены существенные признаки феномена культурного разрыва, состоящие в утрате целостности определенных областей культуры вследствие разнородного развития ее частей, критически значимом прерывании на уровне структуры и содержания универсалий культуры в обеспечиваемых ею глубинных ценностных и смысловых взаимосвязях, поддерживающих взаимопонимание и бесконфликтное сосуществование людей. В качестве не менее значимых признаков также можно обозначить поляризацию и абсолютизацию культурных противоречий, обуславливающих возникновение антагонистических отношений между представителями социокультурных общностей, раздельных прерыванием данных взаимосвязей.

Выводы. Определение культурного разрыва, сформированное на основе существующих вариантов интерпретаций и осмысления данного феномена, его сущностных и контекстуальных признаков, обусловлено онтологической и семантической неоднозначностью некоторых его аспектов, в силу чего оно выходит за рамки строгой дефиниции и носит отчасти проективный характер, содержащий значительный научно-исследовательский потенциал. Реализация данного потенциала посредством функциональных возможностей философской антропологии и философии культуры позволит определить основные подходы к выявлению, предупреждению и преодолению культурных разрывов, в том числе к формированию новых мировоззренческих смыслов и ценностей, способных обеспечить гармоничное сосуществование между людьми различных культур в современных условиях.

Ключевые слова:

культурный разрыв, культурные различия, культурные противоречия, культурное многообразие, культурные основания

Введение

Культурное многообразие является неотъемлемым свойством человеческого бытия, общества, культуры, во многом определяющим процессы и закономерности их развития. Различные культуры порождают разнообразные достижения, например в научной и духовной сферах, обогащая ими друг друга при последующем культурном обмене. Вместе с тем накопление культурных различий и их восхождение до степени противоречия, согласно диалектическим закономерностям, может приводить к формированию определенного качественного состояния культуры, называемого культурным разрывом, — феномена амбивалентного свойства, который, с одной стороны, является основанием бесчисленных конфликтов любого масштаба, вплоть до самых разрушительных войн, а с другой стороны, при конструктивном преодолении противоречий способен побуждать созидательные преобразования, например, такие как научные революции. Данный феномен в различных аспектах изучается в рамках культурологии, социологии и философии культуры, преимущественно применительно к анализу конфликтных ситуаций [17] и переломных моментов в истории [3], предпринимаются попытки количественной оценки ситуаций культурного разрыва на основе статистических методов [18], а само словосочетание «культурный разрыв» начинает вводиться в научный оборот, однако, вне устоявшегося понятийного аппарата, зачастую лишь в узком контексте и без содержательного раскрытия [7]. Формирование определения культурного разрыва позволит вывести его осмысление на предельно общий уровень рефлексии, лишенный предметной конкретности, с выделением существенных отличительных признаков, обнаруживаемых при анализе любых эмпирически фиксируемых его проявлений.

Результаты и обсуждение

При определении понятия культурного разрыва, в том числе исходя из обобщения практики его использования в социальных и философских науках [7], необходимо учитывать ряд ключевых признаков, неотъемлемо свойственных исследуемому феномену.

В первую очередь хотелось бы обратить внимание на то, что феномен культурного разрыва в качестве необходимого свойства предполагает критически значимое прерывание некоей *целостности*. В онтологическом смысле, на предельно общем уровне понимания, разрыв происходит в «непрерывности» культуры, в её «едином теле» надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения (исходя из определения культуры В. С. Степина [14]) как нарушение целого, в том числе как результат рассогласования и нарушения соответствия между его частями. При этом прерываются (нарушаются) критически важные, коренные, глубинные, обеспечиваемые культурой ценностные и смысловые связи, поддерживающие взаимопонимание и бесконфликтное сосуществование между индивидами либо социальными общностями данной культуры (или «*единые культурные основания*»).

Часть и целое при этом можно рассматривать в качестве философских категорий, «выражающих отношение между совокупностью предметов и объективной связью, которая их объединяет и приводит к появлению новых свойств и закономерностей. Эта связь выступает как целое, а предметы в качестве его частей» [4]. При этом, например, с позиции холизма свойства целого несводимы к свойствам его частей. Если к анализу культуры подходить с точки зрения системного подхода, то ее следует отнести к интегративным системам, являющимся органичным целым, которые приобретают новые свойства по сравнению с входящими в них предметами, придают своим элементам новые свойства, не присущие им вне системы, а связи между элементами таких систем имеют законосообразный характер [8]. Согласно рационалистической диалектике, целостность обусловлена кооперативным эффектом, взаимовлиянием и взаимопроникновением частей, которые «изменяя друг друга, образуют внутри своего множества такого единого для них посредника, который пронизывает незримо каждую часть и в то же время отличается от каждой части своим качеством» [10].

С позиции теории культуры академика В. С. Степина, целостность культуры обеспечивается универсалиями культуры (мировоззренческими универсалиями, концептами, категориями культуры), которые выступают системообразующими основаниями каждого конкретного типа культуры [2] и являют собой категориальные формы, посредством которых закрепляется и передается социально-исторический опыт [12]. Универсалии культуры не локализованы в какой-либо ее сфере, они пронизывают все ее пространство, проявляя себя во всем многообразии человеческой деятельности. В содержательно-смысловой структуре универсалий автор выделяет несколько уровней смыслов: общечеловеческий, инвариантно фиксирующий основания человеческого бытия в любой культурной традиции; уровень смыслов, отражающий особенности культуры конкретной исторической эпохи; уровень, «выражающий личностные и социально-групповые интерпретации универсалий культуры, репрезентирующий мировоззренческие установки личности и социальных групп (классов, сословий, кланов и т. п.)» [11].

В этой связи *единые культурные основания* уместно отнести к категории универсалий культуры, в той части структуры данных универсалий и их содержания, которая обеспечивает взаимопонимание и бесконфликтное сосуществование между представителями одной исторически определенной культуры, либо более узкой социокультурной общности.

Академик отмечает, что содержание и сам набор универсалий культуры меняются в процессе исторического развития общества, с расщеплением первичных универсалий под воздействием новых видов деятельности, поведения и общения, и формированием новых, впоследствии укореющихся универсалий (например, разделение категорий «истина» и «правда» в отечественной культуре) [13, с. 11]. Наиболее масштабные из подобных изменений происходят в периоды переломных состояний общества, когда «ранее

сложившиеся смыслы универсалий культуры не способны обеспечить сцепление и взаимодействие новых и традиционных видов и способов деятельности, поведения и общения людей», что можно проиллюстрировать словами В. Шекспира «распалась связь времен», при этом «люди не знают, что взять из прошлого, что адресовать будущему, чему учить детей, на какие образцы поведения и деятельности ориентироваться» [11]. В данном случае В. С. Степин говорит о кризисе культуры на сломе исторических эпох, но рассматриваемый механизм изменения структуры и содержания универсалий культуры, в том числе обусловленный противоречием между традицией и новацией, очевидно, действует и в любой момент настоящего, прежде всего, в отношении универсалий более «частного» уровня, репрезентирующих мировоззренческие установки личности и социальных групп.

Как было показано нами ранее, при рассмотрении ситуаций прерывания единящих культурных оснований в социально-гуманитарных науках исследователями используются термины «культурный разрыв», «культурный перелом», «разлом культуры» [20], «межкультурный разлом» [19], «культурный шок» [21], «культурно-исторический разрыв» [1], «культурная травма» [15] и др., которые при недостаточной оформленности определений, вероятно, соответствуют различным аспектам рассмотрения одного и того же феномена, в том числе относительно причинно-следственных связей его формирования и влияния [7]. Представляется целесообразным в качестве базового термина предметной области ситуаций прерывания единящих культурных оснований использовать именно понятие «культурный разрыв». Понятие «разрыв», на наш взгляд, обладает более точным семантическим содержанием, поскольку означает промежуток, образовавшийся вследствие разделения целого на части, а также нарушение связи, согласованности между чем-либо [9].

Анализируя причинно-следственную обусловленность различных процессов образования культурных разрывов, можно сделать вывод, что утрата целостности культуры, проявляющаяся как прерывание (нарушение, рассогласование) системообразующих связей на уровне структуры и содержания универсалий культуры, происходит по причине *разнородного развития* (в том числе асинхронного, разнонаправленного) неких первоначально составлявших единое целое частей (областей) культуры, сопровождающегося количественным накоплением и качественным усилением *культурных различий* между данными областями. Культурные различия являются одними из наиболее очевидных предпосылок культурных разрывов, зачастую отражаясь в названии ситуаций наиболее характерного их проявления (например, «межнациональная рознь», «религиозное противостояние»).

Разнородность развития разных областей культуры может быть обусловлена различными причинами: как внешними по отношению к этим областям, например, в результате возникновения между субъектами культуры неких границ (в том числе географических, вследствие

миграции населения, разделения государств; социально-экономических, обусловленных формированием социальных классов, политических партий, ограниченной доступностью нового знания, новых технологий), так и внутренними, например, как результат первоначально единичных и впоследствии генерализованных расхождений во мнениях, взглядах, мировоззрениях (например, появление новых религиозных конфессий по причине личной неудовлетворенности их основателей и последователей собственным духовным поиском), либо как следствие разнородности динамических свойств различных областей культуры (например, в отношении статичной традиции и развивающейся новации).

В частности, разнородность развития может приводить и к чрезмерному усложнению отдельных областей культуры, обуславливая прерывание единящих культурных оснований невозможностью понимания содержания данных областей без узкоспециальных знаний. Характерным примером является противостояние сциентистов и антисциентистов, в том числе и в его современных формах в виде общественных движений против вакцинации, против индустриального развития и пр. Другим примером является восприятие в общественном сознании отношений власти, целесообразности которых была очевидна на заре человечества, когда функции вождя и самых опытных охотников были понятны всем членам общин с первобытным экономическим укладом, в отличие от ситуации современности, когда всеобщее понимание комплекса аналогичных функций по обеспечению жизни социума почти невозможно вследствие крайней усложнённости причинно-следственной обусловленности действий, необходимых для их исполнения. Например, бюрократические процедуры воспринимаются предпринимателями и широкими кругами населения в качестве ущемления собственных целей и интересов (в виде «пустой траты времени»), тогда как в действительности данные процедуры предназначены для обеспечения устойчивости системы государственного управления и снижения риска операционных сбоев, обусловленных ошибками или сторонними интересами.

Следует отметить, что части разрушенного целого могут одновременно являться частями *иного целого*, по-прежнему их объединяющего. Например, народы, конфликтующие на основании национальных различий, могут оставаться объединенными общим вероисповеданием. В этой связи особую значимость приобретает вектор внимания индивидуального или общественного сознания: нацелено оно на возникший разрыв разрушенного целого, либо наоборот, удерживается на единящих основаниях сохранившегося целого.

Вместе с тем культурный разрыв не сводим к простой совокупности культурных различий. Как следует из ранее проведённого нами анализа использования понятия «культурный разрыв», а также близких по содержанию и значению понятий и терминов в научном дискурсе [7], с культурным разрывом исследователи связывают некий значимый *потенциал неразрешенных противоречий*, преимущественно негативного, конфликтогенного свойства. То есть культур-

ный разрыв означает возникновение нового качества вследствие диалектического перехода количественных изменений в качественные, выражающегося в количественном накоплении культурных различий, их восхождении до культурных противоречий, и абсолютизации значения этих противоречий вплоть до антагонизма, либо полного взаимоотрицания. При этом, наряду с объективностью указанного диалектического процесса, придание противоречиям абсолютного значения может являться результатом субъективного процесса интерпретации, предполагающего наличие субъекта-интерпретатора, действующего с определенной целью.

В свою очередь, культурный разрыв не сводим и к некоему объему культурных противоречий, которые даже при накоплении в значительном количестве, в случае их разрозненности, разнонаправленности и хаотичности могут не породить искомого нового качества. Новое качество культуры, соответствующее феномену культурного разрыва, возникает при концентрации, сонаправленности и поляризации культурных противоречий, которые, выстраиваясь подобно железным опилкам в магнитном поле, формируют два «полюса» — два *новых целых*, антагонистически противостоящих друг другу. Поэтому в ситуациях сформировавшегося культурного разрыва наиболее очевидно и ярко для исследователя или наблюдателя предстает прежде всего не некое множество культурных противоречий, а противостояние самих этих взаимоотрицающих «полусов»: религиозных конфессий, этносов, рас, «западников» и «славянофилов», сциентистов и антисциентистов, субкультур, поколений и пр. И сам характер противостояния между представителями этих «полусов» трансформируется от несогласия и дискуссий вокруг конкретных противоречивых ценностей и смыслов до взаимоотрицания друг друга, в том числе в форме представлений (в индивидуальном или общественном сознании) о нежелательности существования (как явления вообще, либо в границах конкретной территории, государства) противостоящего полюса — конкретной конфессии, национальности, расы, социального класса и пр. Самые крайние примеры реализации таких представлений — войны и террористические акты на религиозной или национальной почве.

Достаточно наглядно процесс данной «поляризации» культурных противоречий прослеживается на примере распада СССР. Если в советский период народы различных национальностей и традиционной религиозной принадлежности сосуществовали относительно гармонично, несмотря на массу культурных различий, то в постсоветский период можно говорить об образовании новых антагонистически противостоящих друг другу «полюсов», возникших под воздействием сепаратистских идеологий, нацеленных на разделение и территориальное обособление ресурсов и властных полномочий между соседствующими народами, достигшее предельной степени в форме терактов и гражданских войн того периода.

Кроме того, обострение противостояния между частью исламского мира и христианским миром, происходящее с конца 1990-х по настоящее

время, также проявившееся в ряде терактов и войн, с нагнетанием негативного информационного фона относительно «исламистской угрозы» в западных средствах массовой информации и поп-культуре, зачастую стало приводить к предвзятым суждениям о террористических намерениях любых сограждан, носящих традиционные мусульманские одежды. Например, в теракте в Петербургском метрополитене 2017 года первоначально был ошибочно заподозрен человек по причине его облика приверженца ислама, который впоследствии испытывал гонения несмотря на оправдание¹. Иными словами, данное противостояние, исторически вызревшее на религиозной почве, в общественном сознании отчасти утратило акцент на самих религиозных противоречиях и под влиянием поляризующей воздеи западной идеологии в какой-то момент трансформировалось в несоответствующие действительности представления о злонамеренных устремлениях любых представителей конкретной религиозной культуры.

Следует отметить, что термин «поляризация» уже используется социальной психологией в аналогичном смысле применительно к ситуациям конфликтогенных противоречий и межгрупповых конфликтов. Так, например, профессор Гарвардского университета Касс Санстейн выделяет феномен групповой поляризации, проявляющийся в том, что, когда люди обсуждают некую проблему в группе единомышленников, их суждения особенно часто усиливаются до экстремальной степени, а разнородность мнений по данной проблеме внутри группы резко снижается. Если же обсуждение происходит между группами, придерживающихся противоположных мнений, особенно если эта дискуссия целенаправленно и профессионально «подогревается» отдельными участниками, конфликт может перейти в самые радикальные формы, включая физическую агрессию [16]. Допустимо утверждать, что данный механизм может действовать и применительно к ситуациям культурных разрывов.

Таким образом, говоря о сонаправленности и поляризации множества противоречий в культуре, свойственных для возникновения культурного разрыва, мы указываем не только на простую сумму сил, порождённых этими противоречиями, которая действительно возрастает согласно математическим законам: при изменении ранее разнонаправленного хаотичного положения векторов этих сил — на параллельное и направленное в одну сторону. Речь идёт о качественно новом состоянии: появлении противостоящих друг другу полюсов, которые, в терминах синергетической парадигмы, выступают аттракторами, выстраивая определённым образом и усиливая ранее существовавшие противоречия в культуре, и формируя множество новых.

Вместе с тем, феномен культурного разрыва следует характеризовать не как состояние культуры в целом, а как состояние некоторой ее *области*, отличающейся высокой концентрацией,

¹ Богоманшина Ю., Султанов А., Шиков Д. Как живет ошибочно обвиненный в петербургском теракте Ильяс Никитин // ТВ Центр. 2017. <https://www.tvc.ru/news/show/id/113664>.

сонаправленностью и поляризацией антагонистических культурных противоречий, отраженных в структуре и содержании универсалий культуры соответствующего уровня. Так, например, даже для масштабных культурных разрывов, связанных с национальными и религиозными противоречиями, противостоящие стороны разделяют большинство общечеловеческих ценностей, руководствуясь во многом тождественными моральными нормами, и преобладающее множество существующих между ними культурных различий может не восходить до степени противоречия и взаимоотрицания. Иными словами, преобладающая часть культуры может оставаться незатронутой поляризованными противоречиями, составляющими культурный разрыв.

Еще один ключевой признак, который необходимо выделить в отношении исследуемого феномена, состоит в следующем. Несмотря на то что культурный разрыв онтологически не является формой отношения, а представляет собой область критического прерывания единящих культурных оснований, с учетом вышеуказанной поляризации культурных различий и противоречий можно говорить об образовании сторон культурного разрыва в процессе его формирования, состоящих из антагонистически противостоящих друг другу представителей различных культур (индивидов, социокультурных общностей), отношения противоречия между которыми обусловлены возникшим прерыванием единящих культурных оснований.

При этом именно возникновение отношений антагонистического противоречия между сторонами уместно принять в качестве неотъемлемого признака возникновения культурного разрыва, определяющего восхождение прерывания единящих культурных оснований до критически значимой степени.

Вместе с тем, не следует сводить понимание культурного разрыва лишь к отношениям противоречия, сопровождающимся разрывом связи между сторонами («разрывом отношений»), к невозможности взаимодействия между ними. Подобная изолированная разобщенность сторон может являться частным проявлением культурного разрыва, однако, она почти недостижима в современных условиях социально-экономической кооперации, в эпоху мультикультурализма и информатизации, с учетом нараставших до недавнего времени процессов глобализации. Так, например, между социальными слоями чиновников, предпринимателей и широким кругом населения существуют очевидные культурные разрывы, основанные на представлениях о противоречии целей, интересов и ценностей сторон, однако, в процессе экономической деятельности данные стороны находятся в теснейшем взаимодействии между собой. Кроме того, культурный разрыв не тождествен отдельным ситуациям антагонистического противоречия или разрыва отношений. Он может являться основанием для таких отношений — устойчивым состоянием некоей области культуры, способным многократно воспроизводить отношения противоречия, зачастую даже через смену многих поколений, тогда как сами по себе отношения противоречия, лишённые такого

основания, отраженного в культуре, не способны устойчиво воспроизводиться.

Тем не менее некая впервые возникшая продолжительная масштабная ситуация антагонистического противоречия, например, изначально основанная не на культурных различиях, а на конфликте из-за ресурсов, может «укорениться» в культуре посредством отражения отношений противоречия в ее семиотических системах и начать устойчиво воспроизводиться, порождая культурные различия и культурные противоречия между противостоящими сторонами, тем самым становясь предпосылкой для зарождения культурного разрыва. В этом случае подобная ситуация противостояния или конфликта выступает в роли упоминавшейся ранее границы между областями культуры, обуславливающей разнородность их последующего развития, а сами сформировавшиеся отношения противоречия несомненно являются «катализатором» и «движущей силой» умножения культурных различий и противоречий. Однако данная причинно-следственная обусловленность в виде «первичности» противоречия является лишь одной из вариаций механизма образования культурного разрыва, не отменяющей его общей закономерности.

Принадлежность индивида к одной из сторон культурного разрыва устанавливается в результате его *идентификации* в отношении культур, соответствующих данным сторонам. Идентичность здесь выступает как категория, применяемая для описания индивидов и групп в качестве относительно устойчивых, «тождественных самим себе» целостностей. Идентичность есть не свойство (то есть нечто присущее индивиду изначально), но отношение, которое формируется (закрепляется, переопределяется) в ходе социального взаимодействия [5]. При этом если индивид идентифицирует свою принадлежность к одной из сторон культурного разрыва, то представителей другой стороны он относит к категории Чужой, Чуждый, в том числе с антагонистическими коннотациями. И здесь появляется возможность точнее охарактеризовать рассмотренные выше сонаправленность и поляризацию культурных противоречий, а именно как процесс генерализации и абсолютизации данных противоречий относительно культурной идентичности представителей противоположных сторон культурного разрыва, в том числе и как выработку в общественном сознании каждой из культур генерализованного представления о «чуждой» культуре и ее носителях. Кроме того, хотелось бы обратить внимание на терминологическую фиксацию описываемого феномена как длящегося явления, в котором важно подчеркнуть самое начало процесса перенаправления векторов противоречий, когда хаотичные векторы только начинают «со-направляться», когда поляризация едва зарождается и появляются лишь ее первые признаки, но прерывание единящих оснований уже произошло, и культурный разрыв уже появился. Именно такого рода процесс на стадии его зарождения ниже мы намерены обозначать в терминах не «сонаправленности», а «со-направления».

Важно отметить, что универсалии культуры определяют не только рациональное постижение,

но и переживание, эмоциональную оценку человеком воспринимаемой действительности. Смыслы универсалий в этой связи выступают базисными ценностями культуры [11]. Формирование человеком эмоциональных реакций вследствие столкновения его базисных ценностей с противоречивыми чуждыми ценностями, влекущее отступление рациональности на второй план, очевидно соотносится с вероятным механизмом абсолютизации культурных противоречий и выработки генерализованных суждений.

В случае если индивид идентифицирует свою принадлежность к культурам обеих сторон культурного разрыва, культурный разрыв «помещается» во внутренний мир индивида, переходит на уровень индивидуального бытия. С практической точки зрения этот процесс можно описать как усвоение индивидом новых культурных ценностей, которые в процессе своей инкультурации на индивидуальном уровне вступают в противоречие с ранее усвоенными ценностями. Разрыв такого «внутреннего» свойства представляет собой одно из перспективных направлений для исследования, и далее будет именоваться *разрывом индивидуальной культуры*, в отличие от понятия *культурного разрыва*, сторонами которого подразумеваются различные индивиды или социокультурные общности как субъекты социокультурных отношений разного вида.

И последнее, на что хотелось бы обратить внимание в исследовании культурного разрыва в аспекте его понимания как критического прерывания единящих культурных оснований, это две области формирующей обозначенное прерывание совокупности культурных различий и культурных противоречий. Первая охватывает культурные различия и культурные противоречия, непосредственно воспринимаемые сторонами культурного разрыва (индивидами, социокультурными общностями) как критически значимые, абсолютные, антагонистические. Во вторую область можно включить культурные основания, определяющие возникновение и обострение отношений антагонистического противоречия в сознании сторон (в том числе в отношении фигур Чужого, Чуждого), не имеющие прямой связи с предметной областью внешне проявляющихся культурных различий и культурных противоречий.

Здесь и далее предлагается называть эти области *культурным разрывом первого и второго типа* соответственно, подразумевая, что каждый конкретный культурный разрыв содержит в себе сочетание рассматриваемых типов в некоей пропорции.

Ярким примером преобладания культурного разрыва первого типа являются исторические факты крайних степеней межрелигиозного противостояния: крестовые походы, борьба с язычеством в период крещения Руси, распространение ислама на Востоке с искоренением христианских, буддийских и языческих верований. Основанием антагонизма в рассматриваемых случаях явились конкретные культурные противоречия — указания в религиозных догматах о категорической недопустимости существования иных вероисповеданий.

В качестве наглядного примера преобладания культурного разрыва второго типа можно привес-

ти ситуации конфликтов между футбольными болельщиками. Внешне проявляющимися культурными различиями здесь выступает специальная атрибутика, символизирующая принадлежность индивидов к группам болельщиков конкретных футбольных команд. При этом сами болельщики практически не влияют на исход футбольных состязаний, они лишь зрители, зачастую проживающие в одной стране, разделяющие общее вероисповедание, относящиеся к одному поколению, национальности, социальному классу, роду занятий. Более того, лишь наличие соперничающих на достойном уровне футбольных команд позволяет существовать футболу как шоу, порождающему в зрителях бурю эмоций широкого спектра. Иными словами, исходя из рациональных соображений, болельщикам различных команд следовало бы благодарить друг друга за саму возможность ярких переживаний от наблюдения за футбольными турнирами. Однако в реальности, вследствие наличия культурных оснований, никак не связанных с футбольной игрой, болельщики соперничающих команд нередко переходят к состоянию взаимной агрессии, от негативной коммуникации до нанесения физического ущерба, а внешне проявляющиеся культурные различия (футбольная атрибутика) здесь играют скорее роль «триггера», нежели определяют существо отношения антагонизма.

Культурные разрывы второго типа особенно ярко иллюстрируют рассмотренный выше эффект сонаправления и поляризации культурных противоречий, выраженный в процессе генерализации и абсолютизации таких относительно культурной идентичности сторон.

Заключение

Таким образом, исходя из перечисленных неотъемлемых признаков предмета нашего исследования, понятие феномена культурного разрыва может быть определено как критически значимая утрата целостности некоторой области культуры вследствие разнородного развития ее частей, характеризующаяся прерыванием единящих культурных оснований, нарастанием, сонаправлением, поляризацией и абсолютизацией культурных противоречий, обуславливающая возможность возникновения антагонистических отношений между представителями социокультурных общностей, разделенных указанным прерыванием.

При этом под единящими культурными основаниями следует понимать обеспечиваемые на уровне структуры и содержания универсалий культуры глубинные ценностные и смысловые взаимосвязи, поддерживающие взаимопонимание и бесконфликтное сосуществование между представителями одной исторически определенной культуры либо более узкой социокультурной общности.

Предлагаемое определение понятия культурного разрыва, на наш взгляд, позволяет систематизировать основные подходы к предупреждению и преодолению исследуемого феномена.

С одной стороны, это сохранение целого, в том числе посредством обеспечения однородности и сонаправленности развития его частей (например, путем перенастройки социальных институтов),

либо укрепления (сохранения, усиления, обновления, актуализации) обеспечиваемых культурой смысловых взаимосвязей, поддерживающих взаимопонимание и бесконфликтное сосуществование людей, например, как результат формирования культуры согласия [6]. Либо в ином варианте — это предотвращение (прекращение) со-направления, поляризации и абсолютизации культурных противоречий. Возможными способами здесь являются снижение степени антагонизма и значимости противостоящих «полюсов», перенаправление суммирующего вектора, например, вследствие введения дополнительных «полюсов», снижение воздействия «поляризующих» сил. С другой стороны, это восстановление утраченного целого либо создание нового целого, в частности путем переопределения ценности в общественном сознании в отношении тех или иных единящих культурных оснований. И самый очевидный, лежащий на поверхности в конфликтных ситуациях путь — это поиск возможностей преодоления самих наиболее острых культурных противоречий, который, однако, может и не привести к искомому эффекту без урегулирования прочих вышеупомянутых аспектов культурного разрыва.

Таким образом, предлагая определение культурного разрыва на основе уже существующих рефлексий в отношении данного феномена, мы постарались отразить его сущностные и контекстуальные признаки, что стало возможным, благодаря уже вполне заявившему о себе исследовательскому и терминологическому пространству. При этом учитывая, что некоторые аспекты культурного разрыва (например, такие как единящие культурные основания, сонаправленность и поляризация культурных противоречий, их генерализация и абсолютизация и др.) в настоящее время онтологически и семантически пребывают в неоднозначном состоянии, в силу чего трудно поддаются фиксации и аналитике, предложенное определение феномена не может уместиться в рамки строгой дефиниции и на настоящий момент носит скорее проективный характер с перспективным междисциплинарным научно-исследовательским заделом.

1. Грицков, Ю. В. Феномен страдания в ситуации культурно-исторического разрыва / Ю. В. Грицков // Российский человек в «разломе эпох»: quo vadis? / Материалы XV Международной научно-практической конференции Гуманитарного университета. — 2012. — С. 175—179.

2. Запесоцкий, А. С. Теория культуры академика В. С. Степина: лекции, прочитанные студентам СПбГУП в мае—сентябре 2010 года / А. С. Запесоцкий. — СПб.: СПбГУП, 2010. — 112 с.

3. Ионин, Л. Г. Социология культуры / Л. Г. Ионин. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004. — 427 с.

4. Кикель, П. В. Краткий энциклопедический словарь философских терминов / П. В. Кикель, Э. М. Сороко. 2-е изд. — Минск: БГПУ, 2008. — 266 с.

5. Малахов, В. С. Идентичность / В. С. Малахов // Новая философская энциклопедия. В. С. Степин (ред.). — М.: Мысль, 2000—2001.

6. Меняева, М. П. Культура согласия — стаби-

лизационный и инновационный потенциал современной культуры М. П. Меняева // Ценности и смыслы. — 2014. — №5 (33). — С. 125—133.

7. Минченко, А. Н. Феномен культурного разрыва: формирование проблематики в социально-гуманитарном познании и основания философского осмысления А. Н. Минченко // Вестник Челябинского государственного университета. — 2022. — № 2 (460). Философские науки. Вып. 63. — С. 66—74. doi: 10.47475/1994-2796-2022-10209.

8. Никифоров, А. Л. Часть и целое / А. Л. Никифоров // Новая философская энциклопедия. — М.: Мысль, 2000—2001.

9. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1997. — 944 с.

10. Пивоваров, Д. В. Часть и целое / Д. В. Пивоваров // Современный философский словарь. — М., 1998. — 1060 с.

11. Степин, В. С. Конструктивные и прогностические функции философии / В. С. Степин // Вопросы философии. — 2009. — № 1. — С. 5—10.

12. Степин, В. С. Философия и универсалии культуры / В. С. Степин. СПб., 2000. 20 с.

13. Степин, В. С. Философский анализ универсалий культуры / В. С. Степин // Гуманитарные науки. — 2011. — № 1. — С. 8—15.

14. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. СПб.: СПбГУП, 2011. 408 с.

15. Яхьяева, А. Х. Культурная травма в этногенезе народа / А. Х. Яхьяева // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. — 2018. — С. 37—38.

16. Sunstein, Cass R. Going to extremes: how like minds unite and divide / Cass R. Sunstein. Oxford: Oxford University Press, Inc. 2009. — 387 p.

17. Cultural divides: understanding and overcoming group conflict. — New York: Russell Sage Foundation. 2001. — 508 p.

18. Desmet, K. The Cultural Divide / K. Desmet, R. Wacziarg // NBER Working Paper. — 2018. — No. 24630. May. — 53 p.

19. Ferrada-Noli, M. A cross-cultural breakdown of Swedish suicide / M. Ferrada-Noli // Acta Psychiatrica Scandinavica. — 1997. — Vol. 96, iss. 2. — Pp. 108-116.

20. Fox, R. Editorial: The Breakdown of Culture / R. Fox. — URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/ca.36.1.2744219> (accessed 01 October 2021).

21. Toffler, A. Future Shock / A. Toffler. — Moscow: AST, 2002.

References

1. Grickov Ju. V. (2012) Rossiiskii chelovek v «razlome jepoh»: quo vadis? [The Russian Man in “the Fault of the Age”: quo vadis?]. *Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoj konferencii Gumanitarnogo universiteta*. Pp. 175—179 [in Rus].

2. Zapesockii A. S. (2010) Teoriya kul'tury akademika V. S. Steпина: lekciony, pročitannye studentam SPbGUP v mae—sentjabre 2010 goda [Theory of culture academician V. S. Stepin: lectures

given to students of SPbSUP in May-September 2010]. Saint Petersburg, SPbGUP, 112 p. [in Rus].

3. Ionin L. G. (2004) Sociologija kul'tury [The sociology of culture]. Moscow, Izd. dom GU VShJe, 427 p. [in Rus].

4. Kikel' P. V., Soroko Je. M. (2008) Kratkij jenciklopedicheskij slovar' filosofskih terminov [Brief encyclopedic dictionary of philosophical terms]. 2-e izd. Minsk, BGPU, 266 p. [in Rus].

5. Malahov V. S. (2000—2001) Identichnost' [The Identity]. *Novaja filosofskaja jenciklopedija. V.S. Stepin. (red.)*. Moscow, Mys' [in Rus].

6. Menjaeva M. P. (2014) Kul'tura soglasija — stabilizacionnyj i innovacionnyj potencial sovremennoj kul'tury [Culture of harmony — stabilization and innovation potential of modern culture]. *Cennosti i smysly*, no.5 (33), pp. 125 — 133 [in Rus].

7. Minchenko A. N. (2022) Fenomen kul'turnogo razryva: formirovanie problematiki v social'no-gumanitarnom poznanii i osnovanija filosofskogo osmyslenija [The phenomenon of cultural divide: problem-setting in social and human knowledge and foundations of philosophical understanding]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 2 (460). *Filosofskie nauki. Vyp. 63*, pp. 66—74, doi: 10.47475/1994-2796-2022-10209 [in Rus].

8. Nikiforov A.L. (2000—2001) Chast' i celoe [The part and the whole]. *Novaja filosofskaja jenciklopedija. V.S. Stepin (red.)*. Moscow, Mys' [in Rus].

9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. (1997) Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Russian Language Dictionary]. Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka imeni V. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. Moscow, Azbukovnik, 944 p. [in Rus].

10. Pivovarov D. V. (1998) Chast' i celoe [The part and the whole]. *Sovremennyj filosofskij slovar'. Kemerov V.E. (red.)*, 1060 p. [in Rus].

11. Stepin V. S. (2009) Konstruktivnye i prognos-

ticheskie funkcii filosofii [Constructive and Predictive Functions of Philosophy]. *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 5—10 [in Rus].

12. Stepin V. S. (2000) Filosofija i universalii kul'tury [Philosophy and the universals of culture]. Saint Petersburg, 20 p. [in Rus].

13. Stepin V. S. (2011) Filosofskij analiz universalij kul'tury [Philosophical analysis of the universals of culture]. *Gumanitarnye nauki*, no. 1, pp. 8—15 [in Rus].

14. Stepin V. S. (2011) Civilizacija i kul'tura [Civilization and culture]. Saint Petersburg, SPbGUP, 408 p. [in Rus].

15. Jah'jaeva A. H. (2018) Kul'turnaja travma v jetnogeneze naroda [The cultural trauma at ethnogenesis of people]. *Aktual'nye napravlenija nauchnyh issledovanij: perspektivy razvitija. Sb. materialov VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Pp. 37—38 [in Rus].

16. Sunstein Cass R. (2009) Going to extremes: how like minds unite and divide. Oxford, Oxford University Press, Inc. 387 p. [in Eng].

17. Cultural divides: understanding and overcoming group conflict (2001). New York, Russell Sage Foundation, 508 p. [in Eng].

18. Desmet K., Wacziarg R. (2018) The Cultural Divide. *NBER Working Paper*, no. 24630, May, 53 p. [in Eng].

19. Ferrada-Noli M. (1997) A cross-cultural breakdown of Swedish suicide. *Acta Psychiatrica Scandinavica*, vol. 96, iss. 2, pp. 108—116 [in Eng].

20. Fox R. Editorial: The Breakdown of Culture. available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/ca.36.1.2744219> (accessed 01 October 2021) [in Eng].

21. Toffler A. (2002) Future Shock. Moscow, AST [in Rus].

Статья поступила в редакцию 23.01.2023

For citing: Minchenko, A. N. Cultural gap: to the problem of defining the phenomenon and its main features / A. N. Minchenko // *Socium i vlast' [Society and Power]*. — 2023. — № 1 (95). — P. 100—108. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-100-108. — EDN LGVMXW

UDC 130.2

EDN LGVMXW

DOI 10.22394/1996-0522-2023-1-100-108

CULTURAL GAP: TO THE PROBLEM OF DEFINING THE PHENOMENON/ AND ITS MAIN FEATURES

Andrey N. Minchenko,

Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts,
Postgraduate student of the Department
of Philosophy and Cultural Studies.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: ma-n@bk.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes one of the qualitative states of culture, called the cultural gap, which is a phenomenon of ambivalent properties, on the one hand, generating most of the destructive conflicts in the history of mankind, and on the other hand, in constructive overcoming of contradictions, prompting creative transformations.

The purpose of the study is to give a definition of a cultural gap with the allocation of significant distinctive features found when analyzing any empirically fixed manifestations of it, for subsequent understanding at the ultimate general level of reflection.

Methods. Philosophical-anthropological, systemic, axiological, historical-philosophical and dialectical approaches are used as the methodological basis of the research, making it possible to consider the phenomenon of cultural gap in various aspects.

Scientific novelty of the research. An analysis of the main directions of scientific discourse in the subject area under consideration makes it possible for us to conclude that the phenomenon of a cultural gap is studied within the framework of social and humanitarian knowledge, but mainly in relation

to the analysis of conflict situations and turning points in history. The phrase "cultural gap" itself is beginning to be introduced into scientific circulation, however, often outside the established conceptual apparatus, in a narrow context and without meaningful disclosure, which makes it scientifically necessary to address the emerging subject field of studying the phenomenon and determining the meaning of the corresponding term.

Results. As a result of the study, the author identifies significant signs of the phenomenon of a cultural gap, consisting in the loss of the integrity of certain areas of culture due to the heterogeneous development of its parts, a critically significant interruption at the level of structure and content of the universals of culture in the deep value and semantic relationships provided by it, supporting mutual understanding and conflict-free coexistence of people. As no less significant signs, one can also designate the polarization and absolutization of cultural contradictions that result in antagonistic relations between representatives of sociocultural communities, separated by the interruption of these relationships

Conclusions. The definition of a cultural gap, formed on the basis of existing options for interpreting and comprehending this phenomenon, its essential and contextual features, is due to the ontological and semantic ambiguity of some of its aspects, due to which it goes beyond a strict definition and is partly projective in nature, containing significant research potential. The realization of this potential through the functional capabilities of philosophical anthropology and philosophy of culture will make it possible to determine the main approaches to identifying, preventing and overcoming cultural gaps, including the formation of new worldview meanings and values that can ensure harmonious coexistence between people of different cultures in modern conditions.

Keywords:
cultural gap,
cultural differences
cultural contradictions,
cultural diversity,
cultural grounds